

Кулинарным талантом Ли Сы не отличался, а у Гоуданя стряпня и вовсе выходила из рук вон плохо. Обычно отец с сыном не мудрствовали лукаво: сваливали всё, что бог послал, в один котёл, разваривали в жидкую овощную похлёбку, сдабривали щепоткой крупной соли — вот и весь обед. Да и из чего было готовить? Ни капли масла в доме не водилось, только соль и спасала.

— Гоудань, завтра гулять не ходи. На нашем приусадебном участке редька подспела, после обеда убирать будем.

— Ладно, — отозвался мальчик.

Летняя жатва была на носу, и нужно было запастись хоть какими-то овощами. Без приварка в страду не обойтись — проголодаешься быстро, а на пустой желудок много ли поработаешь?

Ли Сы раздобыл семена редьки у кого-то из соседей в обмен на какую-то мелочь и засеял грядку. Время для посадки выдалось не самое удачное, да и удобрений не хватало, так что корнеплоды толком не уродились. Зато ботва поднялась сочная, густая. Её-то и собирались пустить на соленья — зимой кислая ботва отлично шла с пресной кашей. На собственном клочке земли особо не разгуляешься: всё вокруг принадлежало коллективу, так что в дефиците было не только зерно, но и самые простые овощи. Сами они квасить ботву толком не умели. Решили так: хорошенько промывают зелень, подсушат на солнце, а потом позовут на помощь соседку, расплатившись с ней частью урожая.

По совести говоря, у Ли Сы была жива мать, и старой госпоже Ли следовало бы помочь сыну с заготовками. Но кто виноват, что отца с сыном в доме Ли на дух не переносили?

— Ван Сюань! А-Сюань, быстрее, пошли со мной!

— Да куда ты меня тащишь? Мне ещё посуду мыть и стирать!

— Ой, да брось ты свою стирку! Пошли скорее! У тетушки Ли Бо, дочки дедушки Ли, свадьба! Нам конфеты раздают, побежали, а то всё разберут!

Не дожидаясь, пока Ван Сюань начнет отнекиваться, Гоудань схватил его за руку и во весь дух помчался по деревенской улице. Ещё издали они увидели кучку деревенской детворы, которая уже начала расходиться. Некоторые на ходу сдирали пёстрые бумажки и отправляли леденцы прямо в рот.

Сердце у Гоуданя оборвалось. Опоздали. Наверняка ничего не осталось.

— Дедушка Ли, дедушка! С праздничком вас, с великим днем! — закричал Гоудань,

расплывшись в подобострастной улыбке до ушей. Он отчаянно пытался подражать взрослым, но выходило это у него на редкость нелепо и уморительно.

Раздававший угощение парень посмотрел на взмыленного Гоуданя, который притащил за собой ещё одного мальчишку, и уныло заглянул в свой пустой глиняный горшок. С немым укором он перевёл взгляд на дедушку Ли. Гоудань тем временем втиснулся в самую толпу. Ростом он едва доставал взрослым до пояса, поэтому теперь изо всех сил тянулся на цыпочках, пытаясь заглянуть внутрь заветного горшка — неужели не осталось ни единого леденца?

— А, это ты, Гоудань! — вздохнул дедушка Ли. — Припозднился ты, малец. Всё раздали, ни одной конфетки не осталось.

— Совсем ничего нет? — Гоудань разочарованно захлопал глазами, едва сдерживая слезы.

Дедушка Ли принадлежал к поколению родного деда Гоуданя, но поскольку в те времена детей в семьях рождалось много, разница в возрасте между старшими и младшими братьями порой оказывалась огромной. Гоудань по привычке, заведённой взрослыми, звал его дедушкой, хотя на самом деле тот был старше Ли Сы всего на несколько лет и выглядел куда крепче и моложе изможденного отца Гоуданя.

— Пойди-ка принеси Гоуданю ещё парочку, — обернулся дедушка Ли к своей жене.

— Старый ты дурак, откуда я их тебе возьму? Всё дочиста выгребли! — недовольно заворчала жена дедушки Ли. — Да и с какой стати раздавать конфеты кому попало? Ишь, носятся тут... Нюх у них, что ли, как у собак? За версту почуяли! Последнее отдай, а родным внукам шиш под нос?

— Ну что ты за баба такая... — поморщился дедушка Ли.

— А то и баба! Нету больше, и точка! Что я тебе, сама эти конфеты рожать буду, что ли?!

Гоудань стоял, задрал крупную голову на тонкой шее, отчего в этот миг стал ещё больше похож на маленький молоток. До него наконец дошло: делиться с ним никто и не собирался. В груди у мальчика неприятно защемило. Он был слишком мал, чтобы подобрать правильное слово для этого жгучего чувства обиды, но терпеть это не стал — молча схватил Ван Сюаня за руку и потащил прочь.

Гоудань шагал впереди, с силой пиная придорожные камушки, чтобы хоть как-то выпустить пар. Ван Сюань семенил следом, боясь издать даже звук. Он чувствовал, что названный брат вне себя от ярости, но никак не мог взять в толк, из-за чего поднялся весь этот сыр-бор.

— Слушай, А-Сюань, — вдруг заговорил Гоудань, не оборачиваясь. — А в городе ведь здорово, да? Небось там конфеты каждый день едят и белый хлеб досыта?

Дочь дедушки Ли, тетушка Ли Бо, выходила замуж в уездный город. Говорили, её жених из тех, кто держит в руках «железную чашку риса». Гоудань, конечно, не понимал, чем эта железная чашка отличается от обычной глиняной миски, из которой он хлебал дома баланду, но штука эта явно была знатная. Не зря же старики болтают, что с этой железной чашкой ни голод не страшен, ни нужда, и жену-красавицу найти — раз плюнуть. Городской зять отвалил за невесту щедрый выкуп, и эти конфеты были частью свадебных даров. Дедушка Ли расщедрился и оделил по одной штучке всех ребятишек из ближней родни. Гоудань своими глазами видел, как леденцы получили Цзиньбао и Иньбао.

А его обнесли. Оставили без сладкого.

— Я... я не знаю, — робко пролепетал Ван Сюань.

— Эх ты, недотёпа! Твой отец ведь городской, а ты ничегошеньки не знаешь!

Услышав упоминание об отце, Ван Сюань шмыгнул носом, и его глаза тут же налились слезами.

— Ладно-ладно, не реви! — поспешно замахал руками Гоудань. — Подумаешь, город! Великовластные выискались! Вот вырасту большой, буду зарабатывать кучу рабочих баллов, обменяю всё зерно на конфеты и стану жрать у них на виду. Пусть слюной подавятся!

Мальчик сердито сопел. С какой стати его так обделили? Ну ничего, при встрече он их внуку точно тёмную устроит, отдубасит хорошенько за углом, чтоб неповадно было.

— Пошли лучше птичьи гнёзда разорять, — Гоудань легонько подтолкнул Ван Сюаня в плечо. — Наберём яиц и испечём в золе. Вкуснятина!

Ван Сюань торопливо вытер кулачком слёзы и покорно поплёлся за другом. Стоило ему услышать про еду, как он напрочь позабыл, что дома его ждёт недовольная тётка и гора невыполненной работы. У детей обиды и заботы недолговечны: стоило ввязаться в новую шалость, как все горести тут же вылетели из головы, уступив место весёлому предвкушению.

Когда Гоудань вернулся домой, его отец уже возился у очага. Прежде Ли Сы умел разве что разводить огонь да пахать в поле — к готовке его и близко не подпускали. Всеми съестными припасами в доме безраздельно заправляла старая госпожа Ли, а стряпней занимались её невестки по строгому расписанию. Каждая крупица еды была на счету, порции отмерялись с аптекарской точностью. Оказавшись на вольных хлебах после раздела хозяйства, Ли Сы поначалу совершенно растерялся и, густо краснея от стыда, ходил кланяться старшей тете, расспрашивая, как сварить простейшую похлебку. Теперь же даже маленький Гоудань научился мало-мальски справляться с нехитрой кулинарией.

— О, Гоудань, вернулся? — измождённое, почерневшее от солнца лицо Ли Сы расплылось в широкой улыбке, став похожим на сморщенный сушеный плод.

— Пап, а есть что-нибудь? У меня в животе аж урчит от голода!

— Потерпи, сынок, совсем чуть-чуть осталось.

Ли Сы осторожно помешивал варево в щербатом глиняном горшке. Движения его были пугливыми и плавными — не дай бог расколоть эту единственную посудину. При разделении хозяйства им выделили лишь жалкую горсть зерна, рваное одеяло да соломенные подстилки, больше не дав ни шиша. Этот закопчённый, треснувший горшок отец нашёл на свалке в уездном городе среди чужого хлама. Отмыл до блеска, принёс в дом — так у них и появилась первая утварь для варки.

Гоудань заглянул в котелок: на ужин снова была серая жижа из отрубей, горсти дробленого риса и диких трав. Обычное дело. Мальчик был так голоден, что сейчас без раздумий слопал бы всё что угодно, лишь бы заглушить сосущую пустоту в желудке.

— Держи, сынок, ешь побольше, — Ли Сы постарался зачерпнуть со дна погуще, хотя на самом деле черпать было особо нечего — жидкая баланда состояла в основном из воды и разваренных в пыль отрубей.

Так проходил их обычный тихий ужин. Напоследок отец плеснул в опустевший горшок немного колодезной воды, поболтал его из стороны в сторону, смывая остатки присохшей каши со стенок, и слил эту мутную жижу себе в миску. Выпил всё до последней капли.

Местные жители отродясь не утруждали себя кипячением: вернувшись с поля взмыленными и уставшими, они просто зачерпывали огромный ковш сырой воды прямо из кадки и жадно пили. Так что этот импровизированный теплый напиток с едва уловимым запахом рисового отвара казался Ли Сы почти роскошным чаем.

— Ну что, сынок, ходил сегодня к дедушке Ли за угощением? — Ли Сы ласково потрепал Гоуданя по макушке, где волосы были выстрижены забавным персиком.

— Ой, да ну их! И говорить не хочу! — буркнул Гоудань, в котором снова всколыхнулась давешняя обида. — Сквалыги несчастные, зажали для меня конфету.

— Как так? — удивился отец. — Соседи же сказывали, что всем ребятишкам по штуке давали. Почему же тебя обделили?

— А то сам не понимаешь! Считают меня за пустое место, вот и всё!

— Ну, может, и вправду конфет не хватило... — робко попытался оправдать родственников Ли

Сы. — Дедушка Ли человек-то... неплохой вроде.

— Да какое там «не хватило»! — вскинулся малец. — Столько народу оделили, а на мне одном заминка вышла? Десятку соседских сопляков раздали, а мне шиш! Тьфу, несправедливость какая!

Ли Сы промолчал. Сердце у него сжалось от глухой, бессильной вины. Он прекрасно понимал: дело было вовсе не в Гоудане. Соседи презирали не мальчишку — они презирали его самого, никчёмного отца.

Гоудань искоса взглянул на притихшего отца. Тот сидел, уставившись в землю, и мальчик тоже замолчал. Он с раннего детства усвоил простую истину: отец никогда не пойдёт заступаться за него. Ли Сы был слишком слаб и робок, его голос в деревне ничего не весил, никто бы и слушать его не стал.

Если Гоудань напраказничает, отец только кланяется обидчикам да просит прощения, покорно снося любые оскорбления. Самого Гоуданя он никогда пальцем не трогал и не ругал — лишь без конца упрашивал не озорничать. А когда другие деревенские замахивались на мальчишку, отец просто молча заслонял его своей широкой сгорбленной спиной, принимая удары на себя. Он не умел злиться, не умел спорить и ругаться. Всё, что он мог — это безропотно молчать.

Стало невыносимо скучно и тоскливо. Гоудань не спеша перебрался на колченогий деревянный кан. Стояла удушливая летняя жара, укрываться ничем не требовалось, поэтому он просто растянулся на жёстких досках и вскоре провалился в глубокий, безмятежный сон.

<http://bllate.org/book/19654/1950702>